

Дискуссионная статья

УДК 316.354

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_83

Язык эксперта как модель концептуализации объекта социологического исследования

Е. С. Гореликов

*Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
general85@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются особенности языка эксперта и его влияния на результаты описания объекта. Деятельность эксперта характеризуется наличием этапа переноса знаний в условия конкретного случая. Язык описания объекта рассматривается как инструмент категоризации и концептуализации. Новизна работы определяется обоснованием взаимосвязи между выбором языка описания объекта и всеми возможными последующими операциями. Делаются выводы об особой роли экспертов в развитии общества.

Ключевые слова: ученый, эксперт, язык эксперта, модель концептуализации, социологическое исследование, компетентность, социальный институт экспертизы, экспертное знание

Для цитирования: Гореликов Е. С. Язык эксперта как модель концептуализации объекта социологического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Социальные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 83–89. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_83

Opinion article

The Expert's Language as a Model of Conceptualization of the Object of Sociological Research

Evgenij S. Gorelikov

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
general85@yandex.ru*

Abstract. The article studies the features of the expert's language and its influence on the results of the object description. The expert's activity is characterized by the presence of a stage of knowledge transfer to the conditions of a particular case. The object description language is considered as a categorization and conceptualization tool. The novelty is the original and reasonable relationship between the choice of the object description language and all possible subsequent operations. Reasoned conclusions are made about the special role of experts in the development of society.

Keywords: scientist, expert, expert's language, conceptualization model, sociological research, competence, social institute of expertise, expert knowledge

For citation: Gorelikov, E. S. (2023). The expert's language as a model of conceptualization of the object of sociological research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 83–89. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_83

ВВЕДЕНИЕ

В современных научных и прикладных сообществах, а также в частной жизни всё чаще поднимаются дискуссии по поводу различения понятий «научного» и «экспертного» знания; проясняется смысл определений «ученых», с одной стороны, и «экспертов» – с другой, выявляются их функциональные различия. Несмотря на путаницу и двусмысленность использования этих и многих других концептов в современном обществе, обычно считается, что эти два понятия применяют свои когнитивные навыки в ключевых областях знаний.

Отметим, что содержание знаний экспертов отличается от содержания научных знаний. Научное знание является рациональным, аналитическим, дискурсивным, что и является основой хорошо известных преимуществ науки. Поскольку научное знание является абстракцией реальности, которую оно описывает, его применение требует глубокой процедурной детализации. Это относится к процедурам систематизации полученных аналитических данных и различным видам исследовательских и экспериментальных разработок, т. е. научные дефиниции осуществляются через прохождение определенных этапов реализации принимаемых решений, основанных на научных знаниях [Коваль, 2017].

Знание же эксперта ценно тем, что оно является отражением прикладных проблем и фокус его применения лежит в конкретной области. В целом, основной характеристикой деятельности эксперта является наличие интерполяционного этапа – поиска нужных форм известных ему знаний с целью переноса их в условия конкретного изучаемого случая, где эти формы применимы. Возможность такой интерполяции зависит от того, насколько хорошо эксперт выполняет абдукцию, применяя свой опыт и известные ему законы, подходящие для применения в этой области [Васюков, 2003].

Несмотря на то что было много размышлений и дебатов, сохраняются различные точки зрения на действительное значение экспертов и их знаний при проведении исследований, и тема остается малоизученной.

МЕТОДИКА

Научно-методологическая основа статьи, с одной стороны, представлена системным, а также лингвистическим и когнитивным подходами. С другой – для характеристики эксперта и экспертизы использованы компетентностный и институциональный подход, соответственно. В качестве социологических методов были использованы методы

стратификационного и структурно-функционалистского моделирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе исследования сложилось понимание, как проводится каждое прикладное социологическое исследование. По-видимому, оно начинается с прикладной концептуализации объекта исследования. Это этап формирования дифференцирующей системы для изучаемого и уже понятного объекта. Это позволяет представить объект как предмет, как некоторый язык описания доступный внешнему познанию. Не подлежит сомнению, что человек не способен изучать «объект на его собственном языке» [Структура социологической концептуализации, URL]. В этом смысле язык описания объекта является моделью концептуализации, и его выбор обуславливает открывающиеся возможности, преимущества и недостатки. Существенно именно то, что исследователь, совершая выбор языка описания, произвольно либо в соответствии со своими соображениями, определяет для себя коридор, в котором будут выполняться все последующие шаги – все последующие действия и дискриминационные операции.

Итак, как устроена прикладная концептуализация? Выделим ряд ее этапов.

1. Выбор базовой дефиниции, базовой теории.
2. Определение концептов первой орбиты – конститутивных признаков, т. е. того, что конституирует данный объект в выбранной системе различий.
3. Определение концептов второй орбиты (предикативных) – дробление отдельных категорий, выстраивание более сложных конструкций.

Данный взгляд вполне укладывается и в концепцию лингвистического релятивизма, согласно которой языковые категории и паттерны могут влиять на когнитивные действия человека, т. е. на способы приобретения им опыта и само мышление. Язык в данном разрезе рассматривается как инструмент категоризации и концептуализации мира, инструмент познания и обобщения человеческого опыта, как средство доступа к мыслительным процессам, он связан с когнитивными способностями человека: памятью, вниманием, восприятием, распознаванием, обучением, склонностями, планированием и принятием решений. Иными словами, язык навязывает видение, подход к исследованию объекта [Tufekci, 2014].

Развивая и далее рассуждения в русле когнитивного подхода, скажем, что «все психические и социальные явления с этих позиций должны объясняться причинами, обусловленными логикой

познания» [Ядов, 2013, с. 76]. «Все больше исследований, касающихся когнитивных способностей человека, указывают на детерминацию социальности со стороны когнитивных способностей» [Раджабов, Мильгизин, 2022, с. 25]. И именно здесь участие экспертов, несущих свои знания при помощи правильно выбранного языка, может служить солидным фундаментом для построения общества знаний. Знания, умения и навыки, которые общество воспринимает от экспертов, закладываются в основу и становятся средством наращивания последующих знаний, умений и навыков, составляя, таким образом, многослойную структуру общественного сознания. Когнитивный подход к выбору языковой семантики и прагматики представляет нам язык в качестве интерфейса между мозгом человека и обществом.

Язык как средство общения полифункционален. Будучи неразрывно связанным с мышлением, он одновременно является: 1) условием развития и продуктом духовной культуры; 2) социальным средством хранения информации; 3) социальным средством передачи информации; 4) социальным средством управления человеческим поведением

Исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования приводит нас к осознанию критической важности выбора языка, а в нашем случае – выбора языка того или иного эксперта [Ильиных, 2005].

Надо сказать, что у эксперта, как некого ретранслятора, находящегося между объектом и субъектом, изначально нет своего языка. Это в некотором роде изгой, говорящий на языке объекта, частью которого он был долгое время, и при этом обладающий способностью описать объект не на языке этого объекта. Образно говоря, человек, взятый изнутри какой-либо сферы, мало кому понятен, или он не понимает поставленного вопроса. Требуется рассматривать объект с известного удаления. В этом смысле именно эксперт знает язык человека, которому «адресовано сообщение об объекте. Поэтому язык экспертизы – своеобразный пиджин, не сводимый ни к языку объекта, ни к языку политики, которая с этим объектом связана» [Структура экспертного знания, URL].

В рамках современной тенденции влияние СМИ демонстрирует достаточно наглядно процесс смешения, слияния, одним словом, креолизации языков в части процесса создания нового языка – уникального языка экспертизы. В результате язык постепенно упрощается, и в нем появляются свои собственные правила. «Экспертный пиджин начинает считываться как научный язык» [там же], т. е. с лингвистической точки зрения язык эксперта

можно классифицировать «как научно-популярный подстиль функционального стиля»¹.

Далее мы сталкиваемся с вопросом о совместимости языков. Имеет ли значение, какой язык был выбран и влияет ли этот выбор на достоверность знания об объекте? Думается, что да. Здесь следует ввести понятие «неконсистентность языков» для обозначения такого системного различия между языками как моделями концептуализации при описании конкретного объекта, при котором использование данных моделей дает различное представление об объекте. И в действительности свободен «здесь только первый шаг – шаг выбора аксиоматики» [Структура социологической концептуализации, URL]. Всё дальнейшее следует строгой логике выбранной концептуализации.

В социологическом исследовании «Реальность образования», проведенном в 2013 году группой социологов Д. Л. Константиновским, В. С. Вахштайном, Д. Ю. Куракиным, приводятся два примера, наглядно демонстрирующие суть изложенного выше подхода.

Так, в части исследования школьного образования, первым шаг исследователей заключался в понимании того, какой язык социологии позволит им собрать наиболее эффективную модель. Первый подход был собственно социологический. Согласно этой модели мышления и способу концептуализации, исследователи рассуждали так: поскольку одной из ключевых традиций социологии образования является изучение образования как социального института, то соответственно, применяя парсоновский структурно-функционалистский подход, формировалось понимание о степени функциональности данного конкретного института. Если институт не работает, значит, система образования дисфункциональна.

Второй выбранный подход был найден в экономике образования. В этом случае концептуализацией являлось представление образования как товара, как услуги. Исследователи, соответственно, выделяли, кто платит, кто является потребителями первого и второго порядков, каков механизм ценообразования, каковы издержки. Отсюда следовал вывод: если образование пользуется спросом, за него люди платят, значит, это напрямую говорит о его качестве и т. д.

Третья же модель мышления соответствовала веберовской теории стратификации. С этих позиций образование – это некий «механизм изменения жизненных траекторий и перераспределения

¹Лексико-стилистические особенности научно-популярного текста на русском и английском языках в сфере менеджмента и экономики: переводческий аспект. С. 14. URL: TPU_VKR_33383.pdf <http://portal.tpu.ru> (дата обращения: 25.10.2022).

жизненных шансов» [Структура социологической концептуализации]. И тогда справедливо утверждение: не важно, чему учат, насколько хорошо тому, кого учат, но важно, где потом окажется обучаемый.

В том же исследовании были затронуты и нюансы высшего образования. В одном из пилотных регионов замминистра образования формулирует довольно интересную идею: одной из основных проблем в регионе является необходимость отмены поправки, «дающей отсрочку от армии молодым людям, окончившим вуз» [там же] и начавшим трудовую деятельность в деревенской школе. Потому что происходит следующее: молодые люди оканчивают свой вуз, и не желая служить в армии, ищут возможности избежать этого до 27 лет. Они едут в деревенскую школу, получают все возможные блага, они все еще вдохновлены после вуза, они приобщают детей к городу, приводят в университет, готовят их к ЕГЭ. В результате, подавляющее большинство молодежи поступает в вуз. Как следствие, деревня умирает. Соответственно, такой тип образования в этой деревне в конечном счете деревню разрушает. Воспроизводство данного сообщества как единицы становится невозможной [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996].

Отсюда следует, что, если в веберовской модели концептуализации, где постфактум эффективность образования определяется тем, где впоследствии «оказался выпускник, эта школа будет лучшей» [Структура социологической концептуализации, URL]. В парсоновской структурно-функционалистской модели, где школе делегируется функция воспроизводства, она худшая. Следовательно, «согласно одной модели концептуализации один и тот же объект будет считаться лучшим из возможных, в другой модели, наоборот, – худшим из возможных» [там же].

Отсюда, кроме того, видна зависимость между прикладной и фундаментальной концептуализацией, т. е. во многом выбор прикладной концептуализации детерминирован тем, на открытия каких предшественников мы опираемся. С тех же позиций можно рассмотреть и абсолютно другую область и, используя некоторый набор языков описания, каждый из которых для нас является ресурсом, собрать разные модели концептуализации. Итак, возьмем, например, городские общественные пространства. Вслед за Эрвином Гофманом скажем, что спецификой общественного пространства является возможность сосуществования незнакомых людей, которое не обязывает их к коммуникации. Это явление обозначается термином «гражданское невнимание». И тогда общественное пространство

путем метонимии можно обозначить как лифт. По той же логике к местам нахождения в телесном соприсутствии, где нормальным будет полное игнорирование, можно отнести музей, парк и т. д. Возвращаясь к выделенным этапам прикладной концептуализации, некоммуникация здесь будет концептом первой орбиты.

С другой стороны, Ханна Арендт, немецко-американский философ, говорит, что общественные пространства и сообщества как категории не рассматриваются отдельно. Иными словами, есть некоторое сообщество и есть физическое пространство, и «данное сообщество в этом физическом пространстве дано самому себе» [там же]. Оно связывает себя с этим местом и людей – друг с другом. Только в тот момент, когда начинает происходить коммуникация, в частности, район становится районом. Что интересно, имеется в виду «не просто коммуникация, а обсуждение вопросов общей судьбы. При выборе такой модели мышления всё меняется» [Арендт, 2000, с. 69]. «Тогда некоторой метонимией общественного пространства в городе будет не лифт, а, к примеру, агора – место собрания в древнегреческом полисе. И так далее» [Структура социологической концептуализации, URL].

На самом деле подобная ситуация имеет место в большинстве социологических исследований. Соответственно, когда перед исследователем-социологом стоит вопрос выбора эксперта, фундаментально важным является, к эксперту какой области обратиться, а вопрос качества его дальнейшего исследования напрямую зависит от уровня компетентности эксперта, т. е. правильно выбранной, проблемно-ориентированной модели концептуализации объекта.

Из этого следует, что «единственное резонное требование, предъявляемое к эксперту со стороны общества – это его компетентность. Знания, эксперта, должны быть объективны, информативны, применимы на практике» [Манцева, 2018, с. 63]. Сам эксперт по запросу общества должен уметь эффективно и популярно объяснять явления реальности. Здесь же стоит отличать ученого от эксперта. Ученый – он же исследователь, является создателем «точного», «надежного» знания. Эксперт – это проблемно-ориентированный практик, «умелец», ремесленник. Наука выделяет не так много различных областей, но существует бесчисленное множество человеческих практик. Отсюда очевидным становится то, что экспертами могут являться далеко не все члены общества, а лишь весьма ограниченный круг компетентных людей. Среди необходимых качеств особняком стоит способность производить и распространять такие

знания, поскольку экспертное знание понятно не каждому человеку [Манцева, 2018]. Помимо прочего, допустимо констатировать существование социального института экспертизы и показывать процесс институционализации экспертов.

1. Как потребность, требующую совместных организованных действий, выделим потребность в прикладных проблемно-ориентированных знаниях.

2. Под формированием общих целей подразумеваем, что эксперты трудятся над получением знаний во благо общества.

3. Под закрепленными социальными нормами и правилами, процедурами и практиками обозначим регламентацию действий при обращении к экспертам в ходе решения проблем различного уровня и характера.

4. Под системой санкций для поддержания норм и правил понимаем обязательства как самих экспертов, так и лиц, принимающих решения на основе суждений экспертов.

5. Система статусов и ролей, в самом общем случае делит членов института экспертизы на лиц, заинтересованных в повышении качества решений и экспертов, к чьей помощи лица принимающие решения прибегают [Россинская, 2019].

ОБСУЖДЕНИЕ

Классифицируя институт экспертизы, надо всё же оговориться, что, скорее, он подпадает под определение неформального, поскольку процедуры применения экспертного знания не так широко закреплены законодательно и далеко не везде используются. Однако, хотя институт экспертизы не имеет такого широкого общественного значения, как фундаментальные институты семьи, армии и т. п., всё же эксперты – это специфические создатели истории, поскольку производимые ими знания были важны на протяжении всего развития общества [Михайлов, 2021].

«И возникает вопрос, каково значение существования института экспертизы для дальнейшего развития общества?» [Аллахвердов, 2012, с.

54]. На этот вопрос ответим словами британского социолога Зигмунта Баумана, который считал, что «экспертные знания всегда имеют элитный статус и что общество не может их по-настоящему понять и применить без помощи создателей этой формы знаний. <...> [эксперты] всегда были “переводчиками”, которые объясняют массам необходимость законов, традиций, культуры во всем их многообразии, а также дают обществу практические знания для достижения ближайших целей и как средство построения своего будущего» [Бауман, 2008, с. 226–227]. Таким образом, «эксперты всегда развивали общество и способствовали прогрессу во всех сферах жизни. Оказывается, экспертные знания всегда были неотъемлемой частью общества, ведь без них невозможно говорить о его развитии» [Манцева, 2018, с. 63].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать выводы о «статусе экспертных знаний и самих их носителей в современном обществе. В настоящее время статус экспертов» [Манцева, 2018, с. 63] и специалистов узкого профиля претерпевает большие изменения. «Далеко не все дисциплины обзавелись» [Структура экспертного знания, URL] экспертами, обладающими своеобразным языком передачи своих знаний. Социальные и гуманитарные науки оказались в авангарде, в отличие, например, от математики. Ранее, во время экспертной революции, существовала конкуренция между бюрократами и экспертами, сегодня мы наблюдаем конкуренцию между экспертами и учеными, с одной стороны, и экспертами и представителями СМИ и Интернета – с другой. Последние, благодаря своей простоте, публичности и охвату, всё больше перетягивают на себя роль «переводчиков», отодвигая экспертов в классическом понимании на задний план. «И это уже новая страница в эволюции экспертного знания» [Бакштановский, Согомонов, 2004, с. 152].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коваль С. В. Эксперт против ученого. Когнитивные особенности получения знания экспертом: материалы Всероссийской конференции по когнитивной науке КИСЭ–2017. Казань, 30 октября – 03 ноября 2017 года: сборник трудов конференции. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. С. 455–468.
2. Васюков В. Л. Научное открытие и контекст абдукции // Философия науки и техники. 2003. Вып. 9. С. 8–12.
3. Tufekci Z. Engineering the Public: Big Data, Surveillance and Computational Politics. 2014.
URL: <https://technosociology.org/wp-content/uploads/2014/06/Zeynep-Computational-Politics-and-Engineering-the-Public.pdf>

4. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е изд., дополн. М.: ЦСПиМ, 2013.
5. Раджабов А. А., Мильгизин В. Р. Роль экспертного сообщества в российской политике // Российский экономический вестник. 2022, Т. 5. №4. С. 25–30.
6. Ильиных И. А. Экология человека: Курс лекций. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрат / под ред. Е. С. Кубрякова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996.
8. Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина ; под ред. Д. М. Носова. СПб. : Алетейя, 2000.
9. Манцева Е. Р. Экспертные знания в обществе конца XX – начала XXI века: статус и значимость // Социология. 2018. № 2. С. 62–64.
10. Россинская Е. Р. [и др]. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение: учебное пособие / Россинская Е. Р. [и др]. М. : Инфра-М, 2019.
11. Михайлов И. Ф. Когнитивные основания социальности: дис. ... д-ра филос. наук, М., 2021.
12. Аллахвердов В. М. Когнитивная психология сознания // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2012. Вып. 2. С. 50–59.
13. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Гражданское общество: этика публичных арен: Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004.
14. Структура социологической концептуализации: ПостНаука // URL: <https://postnauka.ru/video/50406>
15. Структура экспертного знания: ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/video/94241>

REFERENCES

1. Koval', S. V. (2017). Ekspert protiv uchenogo. Kognitivnye osobennosti polucheniya znaniya ekspertom. Materialy Vserossijskoj konferencii po kognitivnoj nauke KISE-2017. Centr rechevyh tekhnologij = Expert versus scientist. Cognitive features of obtaining knowledge by an expert. Materials of the All-Russian Conference on Cognitive Science KISE-2017. Center for Speech Technologies. Moscow. (In Russ.)
2. Vasyukov, V. L. (2003). Scientific discovery and the context of abduction. Philosophy of science and technics, 9, 8-12 (In Russ.)
3. Tufekci, Z. (2017). Engineering the Public: Big Data, Surveillance and Computational Politics. URL: <https://technosociology.org/wp-content/uploads/2014/06/Zeynep-Computational-Politics-and-Engineering-the-Public.pdf>
4. Yadov V. A. (2013). Samoregulyaciya i prognozirovaniye social'nogo povedeniya lichnosti: Dispozicionnaya koncepciya = Self-regulation and forecasting of a person's social behavior: A Dispositional concept. Moscow: CSPiM. (In Russ.)
5. Radzhabov, A. A., Mil'gizin, V. R. (2022). Rol' ekspertnogo soobshchestva v rossijskoj politike = The role of the expert community in Russian politics. Rossijskij ekonomicheskij vestnik, Vol. 5, No. 4, 25-30. (In Russ.)
6. Il'inyh, I. A. (2005). Ekologiya cheloveka: Kurs lekciy = Human ecology: A course of lectures. Gorno-Altajsk: RIO GAGU. (In Russ.)
7. Kubryakova, E. S. [et al.] (1996). Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = A concise dictionary of cognitive terms. Moscow. (In Russ.)
8. Arendt, H. (2000). Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni = Vita activa, or About active life. SPb: Aleteyja. (In Russ.)
9. Manceva, E. R. (2018). Ekspertnye znaniya v obshchestve konca XX – nachala XXI veka: status i znachimost' = Expert knowledge in the society of the late XX – early XXI century: status and significance. Sociologiya, 2, 62–64. (In Russ.)
10. Rossinskaya E. R. (2019). Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost': pravovoe, teoreticheskoe i organizacionnoe obespechenie. Uchebnoe posobie = Forensic expert activity: legal, theoretical and organizational support. Moscow: "Infra-M". (In Russ.)
11. Mihajlov, I. F. (2021). Kognitivnye osnovaniya social'nosti = Cognitive foundations of sociality: PhD in Sociology. Moscow. (In Russ.)
12. Allahverdov, V. M. (2012). Kognitivnaya psihologiya soznaniya = Cognitive psychology of consciousness. Vestnik SPbGU, 6, 2, 50–59. (In Russ.)
13. Bakstjanovskij, V. I., Sogomonov Yu. V. (2004). Grazhdanskoe obshchestvo: etika publicnyh aren = Civil society: Ethics of public arenas. Tyumen': NII prikladnoj etiki TyumGNGU. (In Russ.)
14. The structure of sociological conceptualization. <https://postnauka.ru/video/50406> (In Russ.)
15. Structure of expert knowledge .<https://postnauka.ru/video/94241>(In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гореликов Евгений Сергеевич

кандидат военных наук

докторант кафедры социологии

Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorelikov Evgenij Sergeevich

PhD (Military Sciences), Doctoral Student of Sociology

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	14.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication